

Трансформация механизмов противодействия оттоку капитала в условиях санкционного давления и фрагментации глобальных финансовых рынков

Научный руководитель – Молчанов Александр Васильевич

Гаджиев Аким Гаджикурбанович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, Кафедра экономических и финансовых расследований, Москва, Россия

E-mail: akimgad660@mail.ru

1. Санкционное давление 2022–2026 гг. и последовавшая за ним заморозка около 300 млрд долл. золотовалютных резервов РФ привели к необратимой фрагментации глобального финансового пространства, в рамках которой Россия утратила возможность использования традиционных западных механизмов защиты капитала (судебная защита в юрисдикциях США и ЕС, доверительное управление активами) [1, с. 45; 2]. Это обусловило необходимость коренной ломки прежней либеральной модели валютного регулирования, существовавшей с середины 2000-х годов.

2. Ключевым направлением трансформации стал переход от политики «открытых дверей» к режиму «управляемого контура» движения капитала. В качестве базового инструмента выступило введение счетов типа «С» (Указ Президента РФ № 95 от 05.03.2022), которые де-факто создали механизм «санкционной подушки»: доходы нерезидентов из недружественных стран блокируются на этих счетах, что предотвращает их немедленный вывод и минимизирует давление на валютный рынок [3, с. 12].

3. Эмпирические данные Банка России за 2023–2025 гг. свидетельствуют о смещении акцентов противодействия оттоку капитала: если в 2022 г. основной задачей было удержание валютной выручки экспортеров (обязательная продажа в размере 80%), то к 2025 г. главной угрозой стало нелегальное обналичивание средств через трансграничные переводы дружественным юрисдикциям с последующей конвертацией в токенизированные активы, что потребовало ужесточения валютного контроля в цифровой среде [4].

4. Сравнительный анализ платежного баланса показывает, что пик оттока капитала по итогам 2022 г. (около 250 млрд долл.) был купирован не столько административными, сколько структурными факторами — физической невозможностью вывода средств из-за блокировки корреспондентских счетов в системах SWIFT, CLS и Euroclear [5]. Это доказывает, что в условиях фрагментации рынков эффективность противодействия оттоку капитала определяется не ужесточением национального законодательства, а степенью разрыва с западной финансовой инфраструктурой.

5. Произошла трансформация субъектного состава участников вывода капитала. Согласно статистике ЦБ РФ, к 2025 г. доля физических лиц в структуре трансграничных переводов сократилась на 40% (по сравнению с 2021 г.), однако возросла роль несырьевого бизнеса, использующего схемы завышения стоимости импортных комплектующих для вывода средств через дружественные страны (так называемый «токенизированный импорт») [6, с. 88].

6. Ключевой институциональной новацией 2024–2025 гг. стало формирование «компенсационного механизма» как элемента противодействия оттоку капитала. В ответ на планы G7 по изъятию доходов от российских активов, Россия законодательно закрепила возможность использования средств нерезидентов на счетах типа «С» для компенсации потерь

(Федеральный закон № 432-ФЗ). Это знаменует переход от пассивной обороны (блокировка оттока) к активному управлению заблокированными ресурсами, что может служить сдерживающим фактором для дальнейшего изъятия российских активов за рубежом [3].

7. Трансформация механизмов противодействия оттоку капитала в России в рассматриваемый период прошла три стадии: а) шоковая изоляция (2022 г.) — экстренное закрытие всех каналов вывода через запреты и лимиты; б) адаптационный контроль (2023–2024 гг.) — выстраивание мониторинга за новыми каналами вывода (криптовалюты, расчеты в рублях через дружественные банки); в) компенсационная симметрия (2025–2026 гг.) — использование заблокированных активов нерезидентов в качестве залоговой базы и инструмента переговорной силы.

8. Научная новизна исследования заключается в обосновании тезиса о формировании в России «двухконтурной системы» финансовой безопасности: первый контур — традиционные меры валютного контроля за резидентами (репатриация выручки, паспорта сделок); второй контур — механизмы принудительного удержания и перераспределения активов нерезидентов (счета «С», компенсационные выплаты). Такая система не имеет аналогов в современной мировой практике и требует отдельного теоретического осмысления в контексте теории финансового суверенитета.

9. Дальнейшее укрепление финансовой безопасности РФ в данной сфере должно быть направлено не на тотальное ограничение движения капитала (что может спровоцировать бегство даже лояльного бизнеса), а на создание институциональных условий для репатриации ранее выведенного капитала через механизмы САР (специальных административных районов) и амнистии при условии инвестирования в технологический суверенитет [4].

Источники и литература

- 1) Кудрин А.Л., Синельников-Мурылев С.Г. Финансовая политика России в условиях санкций: уроки 2022–2024 гг. // Вопросы экономики. 2025. № 3. С. 42–58.
- 2) Буторина О.В. Фрагментация глобального финансового рынка: последствия для стран БРИКС. М.: ИМЭМО РАН, 2025. 180 с.
- 3) Мониторинг финансовой стабильности Банка России. IV квартал 2025 года. М.: ЦБ РФ, 2026. 45 с.
- 4) Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора за 2025 год. М.: ЦБ РФ, 2026. 210 с.
- 5) Квашнина И.А. Иностраные инвестиции в России в условиях внешних ограничений: итоги и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4. С. 32–41.
- 6) Толкачев С.А. Финансовый суверенитет в условиях гибридной войны: теоретический аспект // Экономическая безопасность. 2025. Т. 8, № 2. С. 85–96.